

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ, СТРАТЕГИИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЕННОЙ МЫСЛИ

*Асеев Дмитрий Владимирович,
курсант, Вольский военный институт материального обеспечения,
Российская Федерация, г. Вольск*

*Заболотный Семен Алексеевич,
курсант, Вольский военный институт материального обеспечения,
Российская Федерация, г. Вольск*

*Постников Сергей Васильевич,
научный руководитель, доц., канд. пед. наук, Вольский военный институт
материального обеспечения, Российская Федерация, г. Вольск*

После окончания Второй мировой войны на развитие западноевропейской военной науки большое влияние оказала научно-техническая революция, в результате которой энергия атома, реактивное движение, достижения в области радиоэлектроники и др. нашли широкое применение в создании новых средств вооружённой борьбы. Направленность и содержание военной науки непосредственным образом зависели от развития военно-политической обстановки в мире, характер которой до последнего десятилетия XX в. определялся условиями объективного существования и противоборства двух систем – капиталистической и социалистической. В этой связи третий период получил название «**биполярный**».

В его содержании можно выделить два этапа: первый – с 1946 по 1960 г. и второй – с 1961 по 1991 г. Основным содержанием развития военной науки на первом этапе являлись: изучение и обобщение опыта прошедшей войны и уточнение теории строительства вооружённых сил в соответствии с

требованиями мирного времени; разработка национальных военных стратегий и коалиционной военной стратегии применительно к условиям «холодной войны». Главной отличительной особенностью данного периода являлась абсолютизация роли ядерного оружия в решении внешнеполитических проблем и достижении стратегических целей войны. В то же время со 2-й пол. 1950-х гг. основной задачей для военной науки стал поиск выхода из «ядерного тупика».

Разработка вопросов теории строительства вооружённых сил велась с привлечением научного потенциала государственных и негосударственных организаций. Определение оптимального состава и структуры вооружённых сил и перспектив их развития требовало прогнозирования развития военно-политической обстановки на ближайшие десятилетия и определения стратегического характера будущей войны.

Условия для решения этой проблемы в различных странах не были одинаковы. В государствах, потерпевших поражение (Германия и Япония), послевоенное устройство регламентировалось оккупационными властями, а наложенные ограничения на обладание вооружёнными силами отодвигали решение этих вопросов на неопределённый срок. Союзников США по антифашистскому блоку (Великобритания, Франция и др.) в большей степени занимали проблемы восстановления своих экономических систем, подорванных войной. Из всех государств – участников Второй мировой войны США являлись единственной страной, вышедшей из войны с укрепившейся экономикой. Обладание мощными, сбалансированными вооружёнными силами обеспечивало идеальные условия для американской администрации в проведении внешней политики преимущественно с позиции силы. В этой связи решение проблем военной науки первого послевоенного десятилетия в странах Запада в основном базировалось на результатах военно-теоретических исследований американской школы.

Первые оценки вариантов послевоенного устройства мира, уточнение места и роли в нём военной силы США делались ещё в годы Второй мировой войны, причем они были достаточно реалистичны. Однако с приходом к власти

администрации Г. Трумэна в Вашингтоне окончательно отошли от таких позиций. Менее чем через две недели после капитуляции Японии комитет начальников штабов США определил СССР в качестве главного противника. В это же время стали активно разрабатываться стратегические концепции и планы применения вооружённых сил США против Советского Союза. В последующие годы это стало доминирующим фактором в процессе формирования и развития политико-доктринальных установок, военно-стратегических концепций и американской военной науки в целом.

Первоначально вопросы строительства и стратегического применения вооружённых сил США нашли своё отражение в военной доктрине, базировавшейся на **концепции «сбалансированных вооружённых сил»**, которой предполагалось, что будущая война будет отличаться от Второй мировой войны только значительно более мощной разрушительной силой средств поражения. Поэтому в военной доктрине отмечалась необходимость равномерно развивать и готовить к войне все три вида вооружённых сил.

Ряд факторов, в первую очередь обладание ядерным оружием и наличие в составе вооружённых сил США единственного носителя этого оружия – стратегической авиации, предопределил выдвижение на первую позицию ВВС.

Американские теоретики воздушно-ядерной войны Г. Арнольд, А. Северский, К. Спаатс и др. утверждали, что стратегическая авиация при массированном применении способна добиться победы без участия (или с минимальным привлечением) сил общего назначения. Фактически это явилось отказом от принципов концепции «сбалансированных вооружённых сил» и началом перехода к **стратегии «массированного возмездия»**.

Основные положения этой стратегии получили конкретное отражение в стратегических планах Пентагона 2-й пол. 1940-х гг. С приходом в 1954 г. к власти правительства Д. Эйзенхауэра новая военная стратегия была провозглашена в качестве официальной: за ВВС закреплялось приоритетное положение среди других видов вооружённых сил в вопросах их строительства и планах стратегического использования.

Определяя характер будущей войны, доктрина «массированного возмездия» признавала возможность ведения только единственного типа войны – ядерной. При этом предпочтение отдавалось внезапному нанесению упреждающего удара. Эта стратегия стала основой для выработки коалиционной стратегии НАТО (1957), получившей название «щита и меча». Она предусматривала организацию агрессии против социалистических государств.

Ограниченность доктрины «массированного возмездия» породила несоответствие между национальной и военной политикой, что отмечалось в работах исследователей военно-политических проблем 1950-х гг. Основными её недостатками были неспособность только ядерным устрашением предотвратить любую войну и полное игнорирование теоретических положений относительно стратегического использования вооружённых сил в войнах ограниченного масштаба. Самый острый конфликт в вопросе несоответствия американской политики и военной доктрины был вскрыт в войне в Корее.

Одной из веских причин неприятия военной стратегии 1950-х гг. стало недовольство со стороны влиятельных представителей военно-промышленных групп, которые обеспечивали вооружением и техникой армию и флот, обусловленное резким сокращением заказов на поставки обычных средств вооружённой борьбы для сухопутных войск и ВМС, уменьшением корпоративных и индивидуальных доходов.

Но главным «ударом» по американской стратегии «массированного возмездия» стало появление в Советском Союзе атомного, а затем и водородного оружия, коренным образом изменившее соотношение сил на международной арене. С появлением в СССР межконтинентальных баллистических ракет доктрина «массированного возмездия» лишилась своей последней опоры.

Поиски путей выхода из кризиса продолжались в США несколько лет. Военными теоретиками предлагались различные варианты новой

стратегической концепции. Однако наибольшую известность получили теоретические положения, изложенные в трудах Г. Киссинджера «Ядерное оружие и внешняя политика» и Р. Осгуда «Ограниченная война», опубликованных в 1957 г. Они осознавали бесперспективность решения внешнеполитических проблем с помощью глобальной ядерной войны и катастрофичность её последствий для самих Соединённых Штатов. Это привело авторов к общему выводу о необходимости замены стратегии «массированного ответного удара» на более гибкую концепцию. В то же время ими подчёркивалась целесообразность сохранения принципа политики с позиции силы в решении внешнеполитических проблем, поскольку держава может поддержать свою точку зрения или защитить свои жизненные интересы только готовностью применить силу.

Г. Киссинджер считал, что основой американской военной стратегии должна стать **концепция «ограниченной ядерной войны»**, в которой степень ограничений на применение ядерного оружия предлагалось регулировать военно-политическому руководству страны в зависимости от политических и стратегических целей. Наряду с этим, по мнению автора, допускалось существование, с одной стороны, концепции всеобщей ядерной войны, а с другой – возможность ведения ограниченной войны без применения ядерного оружия, например, против какого-либо малого государства. *Р. Осгуд* в понятие «ограниченной войны» вкладывал содержание военного конфликта, в рамках которого угроза существованию США как нации отсутствует, что, по его мнению, давало возможность ведения войн в зоне НАТО, на Ближнем Востоке и в «слаборазвитых странах». Осгуд стремился «ограничить» войну таким образом, чтобы она не затрагивала американский континент. Из такой постановки вопроса следовало, что «ограниченная» по отношению к Соединённым Штатам война для других стран могла быть разрушительной тотальной войной.

Наибольшее значение для решения проблемы выхода из «ядерного тупика» имело появление на рубеже 1950-х – 1960-х гг. книги «Ненадёжная

стратегия» *М. Тэйлора*. В ней излагалась суть стратегии «гибкого реагирования», предлагались пути решения проблем в области развития вооружённых сил, реорганизации их структуры, совершенствования системы планирования и других вопросов. Основная роль отводилась армии, категорически отрицались первостепенные возможности флота. Эта стратегия была принята в НАТО в качестве военной стратегии 1960-х гг.

На втором этапе третьего периода основным отличием военно-теоретических взглядов военных теоретиков Запада на возможный характер войны и способы её ведения явился отказ от безальтернативной стратегии глобальной ядерной войны. Военная наука США и других стран НАТО под воздействием изменившейся политической и стратегической обстановки в мире пришла к выводу о необходимости подготовки стран западного блока и их вооружённых сил к военным конфликтам различного характера и масштаба. Соответственно этому выводу была выявлена потребность развития, помимо стратегических ядерных сил, мощных сил общего назначения, способных существенно дополнить стратегическую триаду или действовать самостоятельно.

С официальным провозглашением стратегии «гибкого реагирования» диапазон войн, рассматриваемых США в качестве потенциально возможных, существенно расширился. В дополнение к всеобщей ядерной войне американские вооружённые силы стали готовиться к ведению различного рода ограниченных войн: ядерных и обычных, крупномасштабных и локальных.

В этой и последующих национальных военных стратегиях США вероятный характер войн определялся, прежде всего, исходя из наибольшей вероятности перерастания «холодной войны» в открытое вооружённое противоборство между Востоком и Западом. Подобный подход при разработке военных стратегий сохранился до конца третьего (биполярного) периода.

Так, в рамках стратегии «гибкого реагирования» была принята **концепция «двух с половиной войн»**, которая предусматривала подготовку сил общего назначения к ведению одновременно двух «больших» войн (в

Европе и Азии) и одной «малой» в каком-либо другом районе мира.

В стратегии **«реалистического сдерживания»**, действовавшей до кон. 1970-х гг. в уточнённом перечне войн, к которым должны были готовиться США и их союзники, первую позицию занимала стратегическая ядерная война между США и Советским Союзом без ограничений в отношении применяемых средств, пространственного размаха и объектов ударов. Второй называлась «ограниченная» стратегическая ядерная война с поражением отдельных, прежде всего ядерных объектов противника, а третьей – ядерная война на театре войны или война с применением тактического ядерного оружия, которая, как предполагалось, должна вестись на территории третьих стран, не затрагивая территории США. Четвёртую и пятую позиции занимали соответственно безъядерные войны на театре войны и на театре военных действий или в отдалённом районе мира (локальная война).

В данной стратегии концепция «двух с половиной войн» была заменена на **концепцию «полутора войн»**. Это предписывало вооружённым силам США готовиться к одновременному ведению широкомасштабной войны и участию в локальной военной акции. В порядке определённой нейтрализации негативных последствий сокращения американских войск в стратегических и оперативных планах США и НАТО был усилен акцент на возможность применения тактического ядерного оружия на более ранней стадии развёртывания боевых действий, то есть был снижен так называемый «ядерный порог».

Переход в 1980-х гг. к стратегии **«прямого противоборства»** с СССР в глобальном и региональном масштабе обусловил переориентацию сил общего назначения на подготовку к ведению длительных войн с применением обычного оружия. Концепция «полутора войн» была заменена на **концепцию «географической или горизонтальной эскалации»** (К. Уайнбергер), в которой в случае локального конфликта Соединённые Штаты не станут ограничивать себя действиями на непосредственном фронте, а будут стремиться наносить удары по наиболее уязвимым местам противника, «всюду, где они существуют». При этом вариант неограниченного применения ядерного

оружия ввиду возросшей опасности для США со стороны СССР рассматривался как крайний случай.

В 1960–1961 гг. была выдвинута военно-стратегическая **концепция «сдерживания»**, которая предусматривала создание триады мощных стратегических ядерных сил. Идея «сдерживания» заключалась в демонстрации превосходящей ракетно-ядерной мощи США и возможности по нанесению первого «обезоруживающего удара» по военно-экономическому потенциалу СССР.

В развитии этой общей концепции были разработаны частные концепции ядерной войны – **«гарантированного уничтожения»** (достижение превосходства для полного уничтожения СССР в ядерной войне) и **«второго удара»** (создание второго эшелона стратегических ядерных сил, который оставался бы достаточно эффективным после нанесения по американской территории и военно-воздушным базам ответного удара). Эти концепции стали причиной массовой «гонки вооружения».

В 1970-х гг. в обстановке достигнутого паритета в области стратегических вооружений концепция «гарантированного уничтожения» была заменена **концепцией «стратегической достаточности»** (более гибкое определение «достаточного минимума» стратегических сил).

Попытки поиска «приемлемого» варианта ядерного конфликта привели США к принятию в 1974 г. новой стратегической **концепции «ограниченной стратегической войны»** или «доктрины Шлезинджера». Эта концепция основывалась на контрсиловом принципе ведения ядерной войны и предусматривала нанесение ядерных ударов преимущественно по военным защищённым объектам противника. В конце десятилетия стратегическим ядерным силам была поставлена конкретная задача по поражению советского высшего военно-политического руководства путём нанесения так называемого «обезглавливающего удара», признанного американскими исследователями наиболее эффективной формой осуществления контрсиловых действий.

В 1980-е гг. в области применения стратегических ядерных сил установка

на глобальное противоборство с СССР нашла отражение в **концепции «активного противодействия»**, предусматривавшей многовариантность их применения – от единичных ударов с целью демонстрации решительности в достижении целей до ограниченных, выборочных и массированных ядерных ударов, обеспечивающих гарантированное уничтожение противника.

Эпоха глобального кризиса 1990-х – нач. 2000-х гг., несмотря на исчезновение с карты мира главной угрозы Западу Советского Союза, существенного облегчения в напряженности, характеризующей западноевропейскую военную мысль на протяжении 2-й пол. XX в., не принесло. Вместе с тем она характеризуется колоссальным многообразием разрабатываемых теорий и концепций в осмыслении войн и военных конфликтов. Не вдаваясь в их особенности, лишь назовем эти концепции. Это концепции макровойн между крупными цивилизациями (С. Хантингтон); экономических войн между большими индустриальными государствами (Ф. Фукуяма); информационных войн (Г. Бекер); идеологических войн (Г. Киссинджер, З.Бжезинский); «молекулярных» войн (Г. Энценберген); войн как военно-полицейских операций против тоталитарных режимов или негосударственных террористических групп (Р. Каплан); войны как информационно-психологического противоборства; «управляемой войны»; «асимметричной» войны и др.

Таким образом, военная мысль Запада на протяжении всего XX в. выстраивалась на принципах противостояния с СССР и поражения его военного потенциала. Частично это удалось сделать, но не военными усилиями, а политическими. В настоящее время это противостояние продолжается и перешло на качественно новый уровень. Роль США, как мирового «жандарма» возросла из-за временного ослабления военного потенциала России.

Список литературы:

1. Желтяков, И., Гнидо, А. Ядерные доктрины зарубежных государств [Текст] / И. Желтяков, А. Гнидо // «Обозреватель-Observer» (Ежемесячный

информационно-аналитический журнал). – 2006. – № 3(194).

2. Семейко, Л.С. США: концепция «контроля над эскалацией ядерной войны» [Электронный ресурс] / Л.С. Семейко // Россия и Америка в XXI веке (Электронный научный журнал). – 2007. – № 10. – С. 85-104. – Режим доступа: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=74>, свободный.

3. Ташлыков, С.Л. Военно-морская мощь Соединенных Штатов Америки на службе национальной военной стратегии [Электронный ресурс] / С.Л. Ташлыков // Военно-исторический журнал: Интернет-приложение. – 2014. – 26.05. – Режим доступа: <http://history.milportal.ru/2014/05/voenno-morskaya-moshh-soedinennyx-shtatov-ameriki-na-sluzhbe-nacionalnoj-voennoj-strategii/>, свободный.